

В мрачном подземелье, где кипела жизнь черного рынка, Шон встретил своего информатора, Лесли, человека, чье имя могло бы стать синонимом слова "беспомощный". "Ты здесь нечастый гость," отметил Лесли, поправляя воротник своей потрепанной рубашки. "Этот подпольный рынок, очевидно, находится под юрисдикцией "Золотого Призрака". Брат Лопата управляет половиной, Брат Хаоцуй – другой половиной, а я – всего лишь пес, бегающий между ними". Шон не спешил уходить. Он нашел ресторанчик в глубине рынка и уселся за стол, позволяя Лесли рассказать ему о том, что происходит. Лесли, словно загипнотизированный, поведал все, что знал. Он дрожал от страха, но его слова лились рекой, словно иссякающий источник, пытающийся утолить жажду. "Брат Цзинкуй приказал мне отдохнуть, а ты будешь говорить с ним за нас," – выдохнул Лесли. "Умный толстяк..." – пробормотал Шон, размышляя о том, что услышал. Сделав глоток вина, Шон открыл окно и посмотрел на ночную панораму рынка. "Кто управляет Хао Чу здесь, поверхностно?" – спросил он. "Старик Гу, но по слухам, Гао Циншань тайно крутит всем и ..." Лесли запнулся, его глаза бегали от Шона к стенке, как загнанные мыши. "Хватит кокетничать, говори прямо," сказал Шон с холодной улыбкой. Лесли, опуская голову, мгновенно излил все, что знал. "Прибыль с черного рынка идет на счет банды. Но за последние шесть месяцев на стороне Брата Хаоцуй обнаружена небольшая нестыковка в расчетах. Я лич... я подозреваю, что Гао Циншань утаил деньги, довольно много." "Почему ты не сообщил об этом банде?" – спросил Шон. Лицо Лесли покраснело. Он пытался не привлекать внимание к этой проблеме ранее. Но Гао Циншань в последнее время слишком уверен в себе, слишком жаден. Увидев Шона, Лесли инстинктивно почувствовал, что тот все знает и решил рассказать ему все, что знал. В конце концов, они не на одной стороне. Если поймать одного, то лучше поймать того, кто более жаден. Шон молчал. Ему было ясно, что думает Лесли. И все же, имя Гао Циншаня заставило его вспомнить о чем-то. Сила этого парня безусловно впечатляла. Он был близким приятелем Хао Цзюя. Но характер Гао Циншаня не соответствовал "Золотому Призраку". В нем жить дух древнего героя. Шон вспомнил игру, в которую он играл раньше. Гао Циншань был его союзником, хотя и с некоторыми запоздалыми интересами. Но в один прекрасный день отношения между ними резко ухудшились, Гао Циншань внезапно превратился в босса и почти убил Шона. И все это произошло из-за важного события в игре – взрыва лаборатории "Академии". В той игре Шон был просто модельером, сюжетная линия не была его ответственностью. К тому же, в центре внимания были главный герой и "Академия", у Гао Циншаня был второстепенный роль. Поэтому внезапный разворот Гао Циншаня к главному герою остался непонятным. Прокручивая в памяти разные детали, Шон постепенно сформулировал подозрение. "Похоже, мне придется сходить в "Академию"..." – пробормотал он про себя. Проводив Лесли, Шон сказал Мозе: "Найди братву и разгори офис черного рынка сегодня ночью. Если что украдут, притворись, что это лопаты на ногах". Моза кивнул, а затем спросил: "У Хао Чу острый ум. Через два дня наше появление будет раскрыто, должны ли мы оторваться от Хао Чу?". Шон улыбнулся: "Конечно должны. Если мы оторвемся прямо сейчас, то просто очистим внутреннюю часть. Сделаем так, чтобы Хао Чу поработал на нас". "Ты имеешь в виду..." "Отправь подходящего кандидата к джентльменам из верхнего города. Моза, ты говорил, что в таком месте, как "Академия", хорошее обучение и воспитание – это важно, не так ли?". *** "Это все, что ты можешь сказать?" В огромной комнате, окруженной круглыми стульями, сидели люди в униформе "Академии", свысока смотря на тех, кто стоял внизу. Цю Ин сидела на громадном железном стуле, ее лицо было мрачным, а кулаки сжаты от отчаяния. Она кивнула с трудом, ее голос был полн усталости и горечи: "Да..." "Он был прав..." "Академия" полностью превратила ее в узницу, нет, еще жесточе, чем с узниками... Самое смешное, что бледный академический руководитель, который все это затеял, сидит в высоком кресле, справедливо требуя от нее полной ответственности. Должность префекта отнята, права на вход в важные места отняты, учеба и зарплата шлифованы на тридцать лет. Хотя она жила в "Академии" и почти не куда была тратить деньги, она не знала почему, но увидела что-то в глазах нескольких людей – она должна остаться здесь и посвятить остаток своей жизни "Академии", чтобы искупить свои грехи. Ее единственным утешением было то, что, несмотря на

строгость преподавателей, они ей доверяли. В глубине комнаты декан, сидевшая в высоком кресле, раскрыла свое изысканное и безупречное лицо. Она была нынешней деканом "Академии". Декан несколько секунд смотрела на Цю Ин, а потом оглядела комнату. "Цю Ин несет главную ответственность за это событие, но некоторые ее действия были вынуждены обстоятельствами. После наказания она все еще студентка "Академии" - теперь начинается голосование, кто "за" - поднимите руку". Она подняла руку первой. Через некоторое время многие другие также подняли руки. В конечном итоге с результатом 54% Цю Ин чудом избежала самого тяжелого наказания. После того, как люди, участвовавшие в допросе, разошлись, декан подозвала Цю Ин. Декану было трудно определить ее возраст. Она могла бы пройти и за красивую женщину тридцати или сорока лет, и за девушку восемнадцати или девятнадцати. В нее была некая странная гармония. У нее были длинные волосы, челка, волосы, одежда - все было симметричным. Декан с сочувствием уложила голову Цю Ин себе на плечо. "Я заставила тебя много пережить," сказала она тихим голосом. Цю Ин наконец не выдержала, все ее страдания вырвались наружу, и две струйки чистых слез бесшумно скатились по ее щекам. Декан вздохнула: "Ты не должна была нести ответственность за это дело..." Цю Ин просто всхлипнула и покачала головой. Она отлично понимала, под каким давлением находятся ее учителя в "Академии". Крупные академические группы имеют все больше и больше власти. Для стабильности самой "Академии" декан может только искать источники везде, где только можно. Иначе, как бы она, деканская студентка, помогала другим академическим группам в выполнении заданий? Она была скорее хрупким балансиром между крупными фракциями в "Академии", чем деканом. Хорошо было то, что декан все еще декан, и не стала марионеткой. Иначе Цю Ин могла бы и не выйти из комнаты для допроса сегодня. Погладив Цю Ин по голове, декан тихо сказала: "Ты так усердно училась все эти годы, и в прошлом году ты делала разные вещи для "Академии"... Дам тебе отпуск, сделай то, что ты хочешь. Дела лучше". Цю Ин покусала губу и, наконец, нежно кивнула. Декан коснулась ее лица, заметив её косу, улыбнулась и сказала: "Когда ты сменила прическу?" Цю Ин побледнела, поколебалась мгновение и рассказала учителю правду. Декан не рассердилась, она просто улыбнулась и сказала: "Этот Шон совсем не такой, как о нем говорят, правда?" Лицо Цю Ин потемнело, и она горько сказала: "Он просто дьявол, играющий с человеческой природой". Декан тихо вздохнула: "Все, что он говорил и делал, было направлено на то, чтобы разрушить твою психологическую защиту... Ха, не удивительно, что Цзинкуй позволяет ему делать все, что хочет". Цю Ин сжала губы, она была как маленькая девочка только рядом с учителем. "Потому что у него нет нижней границы. Хм, рано или поздно я отомщу". Декан снова обняла ее и воодушевила: "Ну, на самом деле ты хорошо справилась в этом раз ... Ты также доказала свою преданность "Академии". Отдохни некоторое время - кстати, мне больше нравится твоя прежняя прическа". Цю Ин без колебаний кивнула: "Я изменю ее позже". Учителя и студенты еще немного пообщались, и когда они собирались уходить, в дверь постучали. "Декан, мне нужно к вам". Услышав голос визитера, декан слегка нахмурилась, а лицо Цю Ин побледнело. "Профессор Лю, сегодня слишком поздно. Давайте поговорим завтра о чем-нибудь". Пришедшим был ни кто иной, как отец Лю Синя, Лю Юйдэ. Лю Юйдэ стоял у двери, его голос был спокойным, но упрямым: "У меня есть вопрос к Цю Ин, и я хотел бы спросить у декана разрешения". Глядя на Цю Ин, лицо которой потеряло всякий цвет, декан вздохнула от головной боли. Она низко опустила голову и прошептала несколько слов, после чего лицо Цю Ин напряглось. "Входите, профессор Лю".